

18+

Сергей Власенко

Маньчжурская сопка

Сергей Власенко

Маньчжурская сопка

«Издательские решения»

Власенко С.

Маньчжурская сопка / С. Власенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532214-2

Вертолет с геологами летит в отдаленный район Восточной Сибири. На пути они замечают буровую вышку нефтяников, а дальше возвышается Маньчжурская сопка. Один из работников, Аким, затевает охоту на лося. Неудачный выстрел ранит зверя. Охотник преследует зверя, но тот уходит. А Аким понимает, что потерял обратный след и заблудился в тайге. Чтобы выйти к людям, у него есть лишь один шанс — идти к Маньчжурской сопке. Одиночество, трудности, кровавая схватка с хищником, ставят его на грань выживания.

ISBN 978-5-00-532214-2

© Власенко С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Власенко	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Маньчжурская сопка

Сергей Власенко

© Сергей Власенко, 2021

ISBN 978-5-0053-2214-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Власенко

Маньчжурская сопка

*Чтоб тебя на земле не теряли,
постарайся себя не терять.*
Николай Добронравов

(В основу повести легла реальная история. Фамилии и имена героев изменены.)

Глава первая

Пролетая по небу, транспортный вертолёт М-8 ровно рокотал моторами, поблёскивая на солнце выцветшей краской фюзеляжа. Бывалый и нагруженный, вертолёт походил на пузатого кашалота. Внизу, под брюхом, насколько хватало глаз, словно дно океана, расстилалась безбрежная зелень нетронутой сибирской тайги.

Люди сидели плотно друг к другу, – на лавках вдоль бортов. В середине отсека лежало снаряжение, вещи, оборудование. Иной раз от провалов в воздушные ямы потряхивало, как на ухабах. Вертолёт перевозил команду геологов, – в далёкие, необычные места, но к привычной работе. В этом глухом районе уже брали пробы грунта: выходило, что месторождение с богатыми запасами нефти и не только нефти. Требовалось изучить довольно крупный квадрат территории, чётко обозначенный и ярко выделенный на карте. И без того сложное и долгое освоение затруднялось удаленностью от больших областных центров восточной Сибири. Да и малых населенных пунктов рядом не было. Лишь редкие стойбища тунгусов и эвенков, кочующих по огромным затерянным территориям. Впрочем, бывалые люди рассказывали, будто встречали в тайге убежища: избушки да землянки. Некоторые от охотников остались, а иные беглые каторжане мастерили на скорую руку.

Народ умиротворённо поглядывал в иллюминаторы: вдалеке проглядывались сопки, трюродные сёстры гор. Одна возвышалась на фоне других: шаманы из местных племён называли её Маньчжурской сопкой. Когда вертолёт, приближаясь к месту, начал снижать высоту и скорость, разглядели слева одиноко торчашую буровую вышку, а рядом с ней небольшую площадку, отвоёванную у могучей природы. Ещё минут через двадцать машина уже заходила на посадку, чтобы, оставив здесь людей и груз, отправиться в обратный путь.

Расположение лагеря было определено заранее, – на небольшой опушке. База получалась на возвышении, где всегда более сухо, меньше комаров, да и в жару свежее. В ста метрах от лагеря протекал небольшой, но бурный «гуём», – небольшая река с перекатами и порогами. В ней водились непуганые стаи рыб. Игриво поблескивали на солнце серебристыми боками хариусы, жерихи, таймени.

В три первых дня обустроивали лагерь; расположение оказалось удобным и добротным. Потом пошла работа, которой первые две недели было невпроворот: сверяли топографию, наносили отметки, по трое уходили за несколько километров, собирая необходимый материал, на основе которого специалисты в лабораториях затем будут исследовать и определять объёмы возможной добычи, состав примесей и многие другие детали.

Постепенно график необходимых работ налажился, народ привык, обжились и обустроились. Андрюха, молодой студент-практикант, вместе с раскосым якутом Володей начали ставить на реке катиски – ловушки для рыбы, и еда в лагере стала разнообразней. По вечерам уже не валились с ног от усталости, как это было в первые дни, – лишь бы до лежанки добраться. Стало появляться вечером время на личные дела. Кто читал, кто рисовал, бородатый Семён брэнчал на гитаре. Подавал шипящие океанские звуки радиоприемник на тёсаном кухонном столе. Неспешно текли разговоры, слышались шутки и смех.

В экспедиции у каждого имелось охотничье ружьё, запас патронов с дробью, пулями и картечью. Ведь вокруг, куда ни глянь, раскинулась нетронутая, не знавшая людей тайга. Зверья водилось разного. Лисы крутились вокруг лагеря, не прячась. Много живности к стоянке привлекали запахи кухни: разделка мяса или рыбы, варка, готовка.

Во всех партиях и экспедициях складываются свои традиции и обычаи. Как правило, они вызваны суровыми природными условиями, оторванностью от самых обычных благ и комфорта. Некоторые имеют и чисто практический, бытовой смысл: для улучшения проживания и питания. Вот и в их партии уже давно сложился неписанный обычай, соблюдать который никто

вроде и не требовал. Однако он сохранялся и соблюдался. Каждому следовало раз в сезон подстрелить лося. Каждому – своего. Суметь, смочь, показать и доказать, что тебе это по силам и уму. Тем, кому такая охота не впервой, – укрепить охотничий навык. А кому-то и впервые себя испытать.

Жить среди дикой природы приходилось месяцами. Зверя разного в тайге – смотри в оба! Никто никого с лосем не торопил, даже не напоминал. И уж тем более это не входило в перечень проводимых работ. Но так или иначе, соблюдалась некая очерёдность. Одновременно бить лосей было нельзя. Чувствуешь, что готов, – нужно заявиться. Рассказать всему коллективу, куда пойдёшь, где, в каком квадрате добыча. Обрисовать общий план охоты.

Аким Ватажный попал в экспедицию недавно, чуть больше года назад. Редкое своё имя получил в честь прадеда – уроженца донских степей. Аким вырос на Дальнем Востоке, среди тайги и сопки, поэтому жизнь в экспедиции его не тяготила, от тяжёлой работы не отлынивал и лёгкой не искал. Товарищи в коллективе его приняли: парень был сноровистый, с чувством юмора, а это ценят в таких условиях. Выходило так, что в эту экспедицию была его очередь выследить и добыть первого своего сохатого.

Аким уже не раз замечал в тайге следы зверя. Присматривался и запоминал места, где они попадались чаще. Со временем в нескольких километрах от лагеря приметил старую поваленную сосну, рядом с которой частенько топтался сохатый. Выполняя основные экспедиционные работы, Аким иногда проходил с товарищами недалеко от этого крупного, вырванного с корнем дерева.

Начиная охоту на лося, охотник обстоятельно обдумывает все детали и мелочи. Аким решил начать с приманки. В качестве приманки обычно используют кусок крупной соли. Для сохатого соль – лакомство, облизывая солёную глыбу, лось может даже потерять осторожность. В общем, следовало постепенно приучить зверя к месту, где оставлена соль.

Окончательно взвесив предстоящую охоту, Аким решил объявить о своём намерении в коллективе. Самый удобный момент, чтобы услышали все – за ужином, во время чая, после того как отошли дневные заботы и обязанности. В один из вечеров, улучив паузу в затихающих разговорах, когда было слышно лишь неспешное бряканье ложек по дну железных кружек, Аким, глухо кашлянув и подняв голову, оглядел всех и затем неторопливо произнес:

– Я про охоту на сохатого объявляю. Стрелять зверя буду в девятом квадрате, меткой – поваленная с корнем сосна. Завтра начинаю сохатого приманивать.

По традиции наступило недолгое молчание, которое, впрочем, почти сразу нарушилось вопросами и советами бывалых геологов. Семён, или Боцман (как его все величали), достав карту, попросил Акима отметить кончиком заточенного карандаша места прикорма зверя и засады. Покурив над таким делом, коллектив затею обсудил, поддержал и одобрил.

Получив благословение, Аким начал спокойно и обстоятельно готовиться.

Глава вторая

Лось лакомство распробовал и начал приходить к кормушке. Теперь охотник терпеливо ждал, чтобы зверь привык и освоился. Вначале Аким выбрал место для засады поближе: сухо, хороший обзор, для стрельбы удобно. Но вскоре стало ясно, что лось не приходит в то время, когда он терпеливо ждёт его в своём укрытии. Очевидно, зверь чуял человека, улавливал запах опасности.

Пришлось искать другое место, подальше. Отсюда видимость была хуже, но зато лось не мог учуять человека. Где-то через пару суток, на рассвете, Аким наконец увидел его в старенький прицел своей двустволки и, выровняв дыхание, приготовился стрелять.

Сохатый, – это был зрелый самец с мощной кроной рогов, – пришёл почти бесшумно. Только начинало светать, ещё в низинах белели клочки тумана, воздух был влажным и оттого как будто тяжелым. В прицел попадал только бок лося, да и то размыто, молочная предрасветная мгла утреннего тумана затрудняла видимость, к тому же зверь как мишень стоял под неудобным углом.

Прицелившись и затаив дыхание, Николай выстрелил. Лось мощно дёрнулся: выстрел повалил его наземь, но не пробил насквозь. Заряд прошёл по касательной, вдоль хребта. Тут же грянул второй выстрел, из второго ствола. Эта пуля в щепки разнесла правую ветвь лосиных рогов. Аким, с досадой закусив губу до крови, судорожно заряжал следующую двойку патронов, намереваясь шарахнуть дуплетом, из обоих стволов одновременно. Зверь же быстро оправился от шока и вскочил, качаясь, словно на ходулях, на свои жилистые, длинные ноги. Хоть и подраненный, лось стремительно понёсся в чащу леса.

Акима объял первобытный азарт погони. Он начал бесшабашно, без оглядки преследовать зверя, стремясь удержать его в зоне видимости. Погоня шла с явным отставанием охотника, но Аким видел кровавые отметины, слышал треск ломающихся веток. Обманчивая уверенность, что подраненный зверь вот-вот начнет сдавать, вела человека вперёд.

Где-то через час Аким, запыхавшись, решил остановиться и перевести дух. На несколько минут он даже замер, прислушиваясь: стало ясно, что сохатый оторвался и стремительно удаляется. Преследовать становилось бесполезно, хотя кровавые следы всё ещё просматривались на листьях и ягеле. Но лось сильный, и рана для него лёгкая. Отошёл от шока, лес его дом родной, – ищи-свищи его теперь.

Оглядывая глухую сумрачную тайгу вокруг, Аким вдруг отчетливо понял, как далеко он от лагеря. Рой тревожных мыслей заставил его сесть на ближайший бугор из сухого валежника: было о чём призадуматься. От засады до лагеря километра два, ещё путь преследования... Выходило, что до лагеря километров около пяти или даже больше, – лось, уходя, петлял, следы путал, траектория движения кривая и ломаная. Нужно было понять, в каком направлении он удалялся, преследуя зверя. По прикидкам получалось, что он сместился на северо-восток.

Наконец Аким поднялся, поправил снаряжение и пошёл в обратный путь, к лагерю, стараясь идти по своим следам. Это оказалось непросто, тайга забирала и сглаживала и его прежние следы, и следы лося. Пройдя около километра, он понял, что лес вокруг чужой, незнакомый, и непонятно, куда дальше идти.

Липкий, тревожный страх подкатил и зажурчал на уровне живота. Он заставил себя думать. А что тут думать? Понятно, что заблудился в тайге – и это серьёзно.

Аким начал оглядывать густой, хмурый лес вокруг, присматривая большие деревья и стараясь выбрать покрепче и повыше. Выбрал старую, высокую ель, снял рюкзак, поправил ружьё и начал карабкаться на самый верх. Ладони и пальцы измазались в смоле, липли к веткам; к коже, как на клей, приставала разная лесная шелуха. До макушки было не долезть: уже изрядно качало, и ствол дерева становился тоньше. Чтобы лучше видеть округу, пришлось

обрезать ножом несколько крупных веток. Но как он ни смотрел, как ни вглядывался, отыскивая лагерь, до горизонта, покуда хватало взора, разливался океан зелёной тайги.

Закрепившись вокруг ствола ремнём, Аким осторожно стянул со спины заряженную двустволку. Грянул выстрел, утонув в зелёном море леса. Минут через пять выстрелил ещё раз. Очень хотелось надеяться, что в лагере услышат. Он напряжённо, остро дожидался ответного выстрела, но в ответ только шумела кронами безучастная тайга. Пока ждал, подрубил тесаком ещё несколько ветвей, закрывающих горизонт с севера и востока. Там лагеря быть не могло быть, но он заметил верхушки тех сопки, на которые ещё недавно, в вертолете, они всей бригадой любовались, прикинув к иллюминаторам. Теперь он жадно вглядывался, пытаясь определить расстояние до сопки. От напряжения глаза слезились, очертания сопки размывались, но только эти контуры рождали какой-то план. «Где-то два дня пути, не меньше, причём в другую сторону от лагеря», – соображал Аким.

Патроны он решил больше не трогать: бесполезно это, тем более что теперь они были особенно ценны. Ещё раз кинул последний взгляд в сторону невидимого и неслышимого лагеря, спрятанного где-то там, на дне колышущегося таёжного океана, и понуро, как в колодец, стал спускаться. Горько и нелегко было осознавать, что придётся идти не в сторону лагеря, а, наоборот, к безлюдным суровым сопкам, но только они и вселяли надежду. Забравшись на самую высокую из них, почти подпирающую макушкой низовые облака Маньчжурскую сопку, он рассчитывал увидеть буровую вышку или хотя бы быть замеченным с воздуха. «Ведь будут же меня искать», – утешал себя Аким.

Он слез с дерева и стал обстоятельно осматривать снаряжение и подсчитывать запасы. Оставалось четырнадцать патронов, из них четыре с пулей, пять – картечь и пять – с дробью. Нож, фляга с водой, сухари, два коробка спичек, две пачки сигарет без фильтра, небольшой котелок армейского типа, плотно набитый спичечный коробок соли, три средних картофелины, гречка в бумажном пакете (на три полных ладони), две банки тушёнки, две гусяного паштета и две – сгущённого молока. Это был тот минимальный необходимый запас, который всегда должен быть с собой: обычно работа велась в удалении от лагеря, уходили рано, приходили поздно, а бывало, если задерживались до темноты, и вовсе ночевали в лесу у костра. А он же зверя караулить шёл: для этого тоже «энзэ» нужен.

Мысленно начертив вектор движения к Маньчжурской сопке, Аким намеревался до вечера идти бодрым темпом: тогда к началу следующего дня сопку уже должно быть видно, если, конечно, он верно определили направление. Он неторопливо снял сапоги, обстоятельно перемотал портянки, по-новому ощущая свои ступни в кирзовых сапогах. Перетянул поудобнее ляжки на рюкзаке, поправил брезентовую куртку-энцефалитку. Ружьё висело наперевес, на уровне груди. Пришлось надеть капюшон и стянуть шнур под подбородком, закрываясь от комаров и мошек. Было немного мази от насекомых, но Аким решил намазаться на следующем привале или вообще на ночь. Отметив положение солнца на небосводе, он двинулся в неблизкий путь на северо-восток, оставляя за спиной юго-запад, где находился лагерь.

Его окружал в основном хвойный лес. Колючие ветки стегали, но плотная ткань брезентовой одежды сглаживала удары. Минул полдень, он отмахал уже часов пять. Духота морила, пахло мхом и прелой хвоей. Постепенно земля под ногами становилась мягче из-за проступавшего повсюду болотного мха. Каждый шаг теперь отзывался чавкающим звуком, ноги при ходьбе утопали глубже. Впереди уже виднелось обширное болото с карликовыми соснами и кочками, усыпанными чёрной медвежьей ягодой шикшей. Чуть поодаль – жуткие топи, с виду похожие на небольшие лужи среди мха и кочек. Угоди в них человек или зверь, – его ждёт медленная и мучительная смерть, бездонная трясина засосёт, не выпустит.

Предстояло выбрать, с какой стороны обойти это невесёлое место так, чтобы не сбиться с пути. Аким сделал небольшой привал: пора было отдохнуть, что-то перемотать, что-то перетянуть, что-то поправить. Он попил воды из фляги, сгрыз пару сухарей, размышляя, как

дальше идти. Скоро вечереть будет. Место для ночёвки подыскать бы заранее. Отчего-то не хотелось ночевать рядом с болотом, – говорят же, что лесная нечисть на болотах собирается.

Решил обходить топь южнее. Ходу оставалось час: потом стемнеет. А ещё нужно место подобрать для ночёвки, собрать сушняка, воды бы найти, – во фляге уже мало... Стараясь не терять темпа, он побрёл дальше. Через час всё-таки пришлось остановиться: наваливалась усталость, хотелось присесть, а лучше всего – прилечь.

Глава третья

Откуда-то сверху, к болоту, бодро журча, бежал небольшой ручей. Вокруг было полно черники, а вдоль болота росла ещё и крупная, наливная голубика. Аким насобирал ягод в кружку, перекусил и двинулся дальше, отмечая следы разного зверья. Вот россомаха муравейник разрыла: следы её длинных и опасных когтей виднеются на разбросанных вокруг плотным слоем хвойных иголок. Вот точила когти рысь – оставила следы на стволе дерева. Звери, конечно, чуяли и видели его: он как будто осязал их взгляды кожей. Хищники затаились рядом, но от человека пахло порохом, а для животных – это запах опасности, и пока светло, нападать они не станут. Если только медведица с медвежатами – та по-матерински может броситься. Хотя Аким понимал, что медведя одним выстрелом вряд ли получится остановить: только разозлишь. Да и пули на такого зверя нужны сточенные, чтоб «кувыркались» в цели, а не шли «навывлет». Пуля для охотничьего ружья – круглый шарик размером раза в три-четыре меньше шарика от пинг-понга. Такая форма позволяет пуле лететь ровно, что для точности стрельбы особенно важно. Сточная пуля с разными гранями или пуля, вовсе сделанная под квадрат, не имеет стабильного центра тяжести, отчего падает ровность её полета, особенно при стрельбе с дальнего расстояния. Такая самодельная пуля не сохраняет первоначальной траектории и, попадая в цель, начинает в ней «блуждать», нанося своими гранями множественные повреждения внутренних органов. Аким вспомнил учебник баллистики, который который он с увлечением изучал в семнадцать лет. Да, баллистика – наука меткой стрельбы...

Болото оставалось левее и начало уходить в низину, а правее, наоборот, начинался отлогий подъём. В лесу стало сумеречно, как будто с чёрно-белого фотоснимка убрали контрастность. Затягивать с привалом дальше было нельзя, нужно обустроиться на ночь. Аким решил взять правее, поднявшись по небольшому склону в лес, подальше от болота. Он шёл осмотрительно, останавливаясь и прислушиваясь к разным звукам леса. У ручья утолил жажду, освежился, смыл с лица налипших, размазанных мошек и комаров, наполнил флягу свежей водой. Осмотрелся. Метрах в пятнадцати от ручья торчал вывороченный корень поваленной ураганом старой сосны с множеством сухих и толстых веток. Значит, дрова под рукой. Огонь теперь главный помощник и союзник охотника, как и тысячи лет назад.

Солнце садилось, надвигался сумрак. Наломать и натаскать побольше валежника, – вот что сейчас главное! Для ночного костра хороши старые пни, обломки стволов, но только не трухлявые: те дымят и огня толком не дают. Крепкий ствол дерева или пень может всю ночь тлеть, сохраняя горячие угли. Тогда удастся и покемарить. Для начала Аким выложил сушняк большим ковром, чтобы огонь прогрел землю для ночлега, а заодно и разогнал красных муравьев, ужей и ядовитых змей: пламя и запах дыма отпугивают всякую живность.

Как обычно бывает в лесу, темень опустилась резко. Но костёр был налажен. Огонь потрескивал и кряхтел, разговаривая с тайгой своим твёрдым голосом. Света от его временного очага хватало, чтобы заняться ужином. Аким поставил котелок с водой прямо на жаркие угли; вода быстро закипела, и он засыпал туда нехитрый провиант: промытую, мелко, вместе с кожурой порезанную картофелину и горсть гречневой крупы. Оставил вариться минут на пятнадцать, а сам тем временем вскрыл ножом жестяную банку тушёнки. Сверху под крышкой белел жирок вперемешку с мясным желе, дальше шли плотно уложенные неровные куски душистого мяса. Вдохнув аромат, он начал неспешно вываливать содержимое в котелок, умело орудуя военной немецкой ложкой. Пламя бросало блики на германский металл, где ещё проступала выбитая, хоть и вытертая временем, надпись: «Solingen». Ложка была особая – трофейная! Её привёз домой дед Акима – Степан Акимович.

В 1939 году деда призвали на срочную службу в Красную Армию. Отслужил положенный срок на Дальнем Востоке, но только собрался на дембель, как началась война. И с Даль-

него Востока сержант Ватажный поехал на Белое море: до начала 1943 года искал и выявлял фашистских диверсантов и разведчиков. В 1943 году, когда нестигаемый, казалось, каркас Вермахта начал трещать и лопаться по швам на всех направлениях и фронтах, Степана Ватажного отправили командиром миномётного расчёта на западный фронт. В жарких боях он дошёл до Германии, а после победы поехал обратно на Дальний Восток – в Маньчжурию, на японский фронт, воевать с самураями. Участвовал в одной из самых блестящих, дерзких и красиво спланированных военных операций XX века – разгроме Квантунской Армии. Домой победитель вернулся с одним вещмешком, в котором и лежала эта самая немецкая ложка изготовленная на заводах «Solingen».

Аким улыбнулся, вспомнив деда. На душе будто прояснилось, тревога и напряжение отпустили, будто сломавшись о невидимую опору. Котелок заклокотал, забурлил, поднялась накипь и ринулась наружу, попадая на жаркие угли, громко шипя, поднимаясь клубами ароматного пара. Спohватившись, Аким вытащил котелок из пекла, удивляясь, насколько глубоко ушёл в размышления. Похлёбка получилась простая, но вкусная и сытная. Он подумал, что завтра неплохо бы подстрелить какую-то дичь.

А ночная тайга вокруг костра жила своей активной жизнью, пронизывая слух таинственными звуками. Потрескивал валежник: звери принюхивались и прислушивались к человеку. Нарубив веток хвойных деревьев – лапника, охотник устроил себе лесное ложе. Со спины его прикрывал корень старого поваленного дерева, спереди – костёр. Аким обложил очаг так, чтобы сушняк горел медленно и ровно. Улёгся поудобней и сразу же провалился в бездонный, глухой сон.

Перед рассветом, часа в четыре он как-то мгновенно, собранно и чётко, проснулся, словно кто-то тронул его, чтобы разбудить. Часть крупных веток ещё тлела, но угли уже покрылись слоем седого пепла, и костёр не давал ни света, ни тепла. Однако очаг даже в таком состоянии хранит в себе зачаток быстрого и большого пламени: шевельни только головёшки да подкинь сухих веток. Утренний холодок вперемежку с предрассветной сыростью пробирали до мурашек и дрожь в теле, проходили ознобом сквозь свитер и спецовку. Отчего-то Акиму стало тревожно: чувство, что кто-то дотронулся до него, пытаясь разбудить, не уходило. Он подкинул валежника, а сам, согреваясь, подвигался вокруг костра. От сосновых и еловых веток пламя быстро взвилось, отгоняя первобытный страх темноты. Огонь осветил несколько метров вокруг, но за ними затаилась непроглядная густота, наполненная бурной жизнью и смертью естественного отбора. Тёмный лес таранился на человека хищными глазницами. Со стороны болота надсадно кряхтела птица, в ответ ей откликался истеричным визгом непонятный зверь. Аким посмотрел в небо, надеясь, что хоть оно с ним заодно. Бескрайний космос искрился разбрызганными по галактикам звёздами. Постепенно спокойствие вернулось, и он снова стал укладываться, принаравливая поудобней ружейный приклад под правую руку. Костёр, который он увеличил обломками берёзовых стволов, горел ровно, распространяя тепло. Так и задремал в свете жаркого пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.